

КОНФЕРЕНЦИЯ

А. А. Горский (Москва)

РУСЬ «ОТ РОДА ФРАНКОВ»

В двух византийских хрониках середины X в. встречаются определения руси как происходящей «от рода франков» — ἐκ γένους τῶν Φράγγων. Это Хроника Продолжателя Феофана и Хроника Симеона Логофета в двух (из трех известных) ее редакций — Хронике Георгия Амартола (с продолжением) по Ватиканскому списку («Ватиканский Георгий») и Хронике Псевдо-Симеона. Фрагментов с указанным определением руси в этих памятниках два. Один присутствует в обоих и содержится в рассказе о нападении на Константинополь киевского князя Игоря в 941 г.:... οἱ Ῥῶς κατὰ Κωνσταντινουπόλεως μετὰ πλοίων χιλιάδων δέκα, οἱ καὶ Δρομίται λεγόμενοι, ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθίστανται¹ (...Росы приплыли к Константинополю на десяти тысячах кораблей, которых называют также дромитами, происходят же они от рода франков).

Другой фрагмент имеется только в редакции Псевдо-Симеона; он расположен здесь в тексте, повествующем о событиях начала X столетия: Ῥῶς δέ, οἱ καὶ Δρομίται, φερόνυμοι ἀπὸ Ῥῶς τινὸς σφοδροῦ διαδραμόντος ἀπληγήματα τῶν χρησαμένων ἐξ ὑποθήκης ἢ θεοκλυτίας τινὸς καὶ ὑπερσχόντων αὐτοῦς, ἐπικέκληνται. Δρομίται δὲ ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχειν αὐτοῖς προσεγγέετο. Ἐκ γένους τῶν Φράγγων καθίστανται² (Росы, или еще дромиты, получили свое имя от некоего могущественного Роса после того, как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы, благодаря какому-то предостережению или божественному озарению того, кто господствовал над ними. Дромитами они назывались потому, что могли быстро двигаться. Происходят же они от рода франков³).

И Хроника Симеона Логофета, и Хроника Продолжателя Феофана создавались в византийских придворных кругах. Окончательное оформление в дошедшем до нас виде они получили в 60-е годы X в., но текст, содержащий рассказ о событиях 941 г., относится к третьим частям обеих хроник, которые отличаются текстуальным сходством (в силу чего исследователи полагают, что у них был общий источник) и охватывают период 913–948 г.; поэтому завершение работы над этими частями

¹ Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Vonnae, 1838. P. 423. 15–17 (Продолжатель Феофана); *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1922. Т. II. С. 60. 26–27 («Ватиканский Георгий»). В Хронике Псевдо-Симеона другой порядок слов, чем у Продолжателя Феофана и в «Ватиканском Георгии», а также вместо καθίστανται – ὄντες (Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. P. 747. 12–14).

² Там же. P. 707. 3–7.

³ Помимо приведенного варианта перевода данного отрывка (см.: *Николаев В. Д.* Свидетельство Хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. // *Византийский временник*. М., 1981. Вып. 42; *Бибииков М. В.* Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Т. I. С. 72) существует другой (см.: *Карпозилос А.* Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // *Византийский временник*. М., 1988. Вып. 49. С. 117), но фразы о происхождении Руси от франков различия переводов не касаются (споры вызывает пассаж о происхождении названия «рос»): она полностью совпадает с той, которая присутствует во всех трех рассматриваемых текстах при описании событий 941 г.

датируют 948 г.⁴ Второй фрагмент с упоминанием руси «от рода франков» отсутствует в других редакциях Хроники Логофета, кроме редакции Псевдо-Симеона, поэтому он должен быть признан вставкой, сделанной составителем этой редакции уже в 60-е годы X в.⁵ Первоначальным следует считать упоминание о происхождении руси от франков, общее для двух редакций Хроники Логофета и Хроники Продолжателя Феофана — в рассказе о походе Игоря 941 г. Следовательно, появилось данное определение руси либо около 948 г., либо несколько ранее, но не раньше 941 г.

Обычно это определение рассматривается как свидетельство о варяжском, скандинавском происхождении руси. Например, в новейшем своде византийских известий о Руси читаем: «О скандинавском происхождении росов прямо говорят... византийские источники X в.: это — Константин Багрянородный, хроника Псевдо-Симеона, Георгий Амартол (по Ватиканскому списку), Продолжатель Феофана. Славянские переводы соответствующих хронографических пассажей меняют этноним “франки” в греческом оригинале на “варягов”»⁶. Однако очевидно, что позднейший перевод древнерусским книжником «франков» как «варягов» (имеется в виду перевод Хроники Амартола с продолжением, сделанный на Руси в конце XI или самом начале XII в.⁷) не может служить аргументом в пользу того, что автор греческого оригинала имел в виду под «франками» скандинавов. Такой перевод связан с существованием в конце XI — начале XII в. на Руси представления (отразившегося в «Повести временных лет»), что первоначальной *русью* были варяги, пришедшие в Восточную Европу с Рюриком⁸. Это представление никак не могло, естественно, повлиять на представления византийских хронистов середины X столетия. Они же свидетельствуют о происхождении руси не от скандинавов, а от франков. Усмотреть здесь во Φράγγοι искаженное Βαράγγοι («варяги») невозможно: последний термин, во-первых, появился в Византии только с XI столетия, во-вторых, носил не этнический, а функциональный характер, будучи наименованием воинов скандинавского происхождения, находящихся на службе в Империи; в X же столетии наемники, приходившие в Византию с территории Руси, определялись только через понятие «Рос»⁹. Кроме того, франки были слишком хорошо известным в Византии народом, чтобы можно было допустить такую ошибку.

Согласно другой трактовке определения «от рода франков», оно имеет в виду языковое родство руси и франков, указывая тем самым на германоязычие *руси*¹⁰. Однако в источниках говорится не о сходстве языков, а о том, что *русь происходит* (καθίσταται) «от рода франков». Следовательно, указание на германоязычие руси можно было бы усмотреть здесь только в случае, если бы в византийской литературе середины X столетия прослеживалось применение понятия «франки» ко всем народам германской языковой группы. Однако ничего подобного там нет. Хроники Продолжателя Феофана и Симеона Логофета прилагают этот термин к государствам — наследникам империи Каролингов и их населению¹¹. В византийской литературе

⁴ См.: Каждан А. П. Хроника Симеона Логофета // Византийский временник. М., 1959. Т. XV; Каждан А. П. Из истории византийской хронографии X в. // Византийский временник. М., 1961. Т. XIX.

⁵ В историографии в связи с этим фрагментом оживленно обсуждались вопросы, связанные с интерпретацией происхождения названий «рос» и «дромиты», а также с возможной связью фрагмента с походом Олега на Константинополь 907 г.; см. из последних работ: Николаев В. Д. Свидетельство Хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г.; Карпозилос А. Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя.

⁶ Бибииков М. В. Byzantinorossica. Т. I. С. 55–56.

⁷ См.: Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. I. С. 567. Множественное число — «славянские переводы» — в данном случае неуместно, так как другой славянский перевод (вероятно — болгарский XIV в.) Хроники Симеона Логофета фразы о происхождении Руси от франков не содержит, поскольку делался он с той редакции хроники, в которой данного пассажа нет (см.: Симеона Метафраста и Логофета списание мира от бытия и летописи собран от различных летописец. СПб., 1905. С. 140).

⁸ ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 19–20.

⁹ См.: Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе XI–XII вв. // Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908. Т. I; Паушто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 62, 65, 68–69, 74.

¹⁰ См.: Ловмянский Г. Русь и норманны. М., 1985. С. 210; Scramm G. Altrusslands Anfang. Freiburg im Breisgau, 2002. S. 109 (автор по ошибке пишет, что пассаж о происхождении руси от франков содержится в рассказе о русском походе на Константинополь 860 г.).

¹¹ Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. P. 135, 293, 431 (Продолжатель Феофана), 694–695, 748, 917 (Псевдо-Симеон); Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. II. С. 62.

того времени действительно бытовало расширительное значение термина «франки», но иное — под франками могли подразумеваться обитатели этих государств независимо от их этноязыковой принадлежности¹².

Никакого отношения к германоязычию и вообще к языковой принадлежности определение «франки», таким образом, не имело¹³. Оно носило территориально-политический характер: франками называли жителей земель, подвластных Карлу Великому и его потомкам¹⁴.

Но, раз версии о скандинавском происхождении и германоязычии как поводах для определения «от рода франков» отпадают, возникает вопрос — почему в Византии в середине X столетия понадобилось определять русских через франков. И те и другие были в Империи прекрасно известны. Первый документированный дипломатический контакт Руси с Византией датируется, как известно, 838 г. (известие Бертинских анналов)¹⁵. Как минимум с 911 г., со времени заключения Олегом договора с Византией, имели место ежегодные поездки русских в Константинополь (в тексте русско-византийского соглашения оговоренные¹⁶). Русь в византийских источниках второй половины IX — первой половины X в. оценивалась, согласно византийской традиции переноса древних этнонимов на новых обитателей той или иной территории, как народ «скифский»¹⁷. С франками в Византии были знакомы еще лучше и с гораздо более давних времен. Греки в середине X столетия не могли не знать, что государства — наследники империи франков и Русь — совершенно разные образования, населенные разными народами, что они даже не граничат, что между ними не существует каких-либо отношений соподчинения. И тем не менее спустя сто с лишним лет контактов с Русью придворные византийские историки почему-то определяют русских как происходящих от франков!

Не видно никаких причин, по которым такое соотнесение могло быть придумано в 40-е годы X в. византийцами. Остается полагать, что в это время придворные круги Империи получили информацию о франкском происхождении руси от самих русских.

В византийских источниках 40-х годов X в. франки упоминаются в связи с династическими связями императорской семьи. Константин VII Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» (датируемом 948—952 г.) писал, обращаясь к сыну Роману, об идущем якобы от императора Константина Великого запрете на браки представителей императорской семьи с «иноверными и некрещеными» народами¹⁸, но за одним исключением — для франков, делаемым «ради древней славы тех краев и благородства их родов» (καὶ γενοῦν περιφάνεια καὶ εὐγένεια)¹⁹. Под народами, с которыми нельзя заключать династических браков, имеются в виду хазары, венгры и русские²⁰. Исключение, предоставляемое франкам, о котором писал Константин, иллюстрирует событие, торжественно отмеченное в Константинополе в сентябре 944 г. — обручение шестилетнего сына Константина Романа со своей ровесницей Бертой, дочерью короля Италии (в

¹² См.: Ohnsorge W. *Abendland und Byzanz*. Weimar, 1958. S. 227—254; Константин Багрянородный. *Об управлении империей*. М., 1989. С. 337 (коммент. 3 к главе 13), 354 (коммент. 5 к главе 26), 360 (коммент. 1 к главе 28). Франками могло называться население территорий, находившихся в IX—X в. под властью Каролингов, даже если речь шла об эпохе, когда франки на них еще не появились: у Константина Багрянородного так поименованы жители Италии времен Агилы (Там же. С. 106—107).

¹³ В ту эпоху еще не существовало представлений о германской группе языков; сами понятия «германцы» и «Германия» в Византии имели более узкий смысл, чем понятия «франки» и «Франгия»: они применялись по отношению только к той части франкских владений, которая располагалась к востоку от Среднего Рейна (см.: Ohnsorge W. *Abendland und Byzanz*. S. 248, 523).

¹⁴ Поэтому невозможно объяснить появление определения «от рода франков» наличием в русском войске отрядов наемных варягов: ни Швеция (откуда, судя по археологическим данным, в X столетии приходили викинги на службу к русским князьям), ни Норвегия, ни Дания во владения Каролингов не входили; появление же в русском войске наемников из французской Нормандии вряд ли было вероятно.

¹⁵ *Annales Bertiniani / Annales de Saint-Bertin*. Paris, 1964. P. 30—31.

¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 31—32.

¹⁷ См. сводку известий: Бибииков М. В. *Byzantinorossica*. Т. I. С. 644, 680—681. Традиция обозначения русских как «скифского» народа сохранялась и позже.

¹⁸ «Если когда-либо какой-нибудь из этих неверных и нечестивых северных племен попросит о родстве через брак с василевсом ромеев, т. е. либо дочь его получить в жены, либо выдать свою дочь, василевсу ли в жены или сыну василевса, должно тебе отклонить и эту их неразумную просьбу» (Константин Багрянородный. *Об управлении империей*. С. 58—61).

¹⁹ Константин Багрянородный. *Об управлении империей*. С. 58—61.

²⁰ Они перечислены в начале наставления о том, чего нельзя разрешать «северным и скифским» народам: речь идет далее о царских регалиях, греческом огне и династических браках (см.: Там же. С. 55—59).

византийских хрониках — «короля Франгии») Гуго²¹. Таким образом, при императорском дворе бытовало представление, что из европейских народов матримониальные связи допустимы только с франками. Между тем исследователи русско-византийских отношений этой эпохи, исходя из совокупности косвенных данных, полагают, что княгиня Ольга (правившая Русью с 945 по начало 60-х годов X в.) пыталась провести в жизнь замысел брака своего сына Святослава Игоревича с представительницей византийского императорского дома, возможно дочерью Константина Багрянородного (коронован в 913 г., фактически царствовал в 945—959 г.)²². Не с проектом ли этого брака связано «подбрасывание» византийскому двору информации о франкском происхождении руси?

Под происхождением от франков вовсе не обязательно подразумевалось происхождение всей руси в смысле всего населения, подвластного русским князьям: речь может идти о правящей верхушке, наиболее политически активной части общества, которая в средневековых представлениях была главным носителем этнонима. Поскольку киевская княжеская династия имела норманское происхождение, такого рода утверждение вполне могло не быть чистым вымыслом, а иметь определенные основания: предводители викингов нередко нанимались на службу к Каролингам и получали в держание те или иные приморские территории для обороны их от других норманнов. Так, отождествляемый рядом авторов²³ с летописным Рюриком датский конунг Рёрик (Рорик) в течение почти четырех десятков лет, с конца 30-х до середины 70-х годов IX в., имел (с небольшими перерывами) лен на франкской территории — во Фрисландии, будучи связан вассальными отношениями сначала с императором Людовиком Благочестивым, потом (в разные годы) с его сыновьями — Лотарем, Людовиком Немецким и Карлом Лысым²⁴. Если русские князья середины X в. и часть их окружения являлись потомками Рерика и его дружинников, или были тем или иным образом связаны с другим предводителем викингов, проводившим какое-то время во владениях Каролингов, это давало им возможность выводить себя «от франков» в широком смысле этого понятия, принятом в то время в Византии.

Обращает на себя внимание дата обручения Берты и Романа — сентябрь 944 г.²⁵ Осенью этого года (точнее, между сентябрем и серединой декабря) датируется заключение в Константинополе договора с Византией киевского князя Игоря²⁶. То есть в день совершения церемонии обручения в столице империи почти наверняка находилось и соответственно имело подробную информацию об этом событии русское посольство (в которое входил личный посол Ольги Искусеви)²⁷. В Киеве, следовательно, о матримониальном союзе с дочерью «короля франков» было хорошо известно²⁸. Спустя четыре года, около 948 г., тезис о происхождении руси от франков фиксируют византийские придворные хронисты. Вскоре после этого, между 948—952 г., император Константин заявляет о невозможности браков с правящими домами всех «неромеев», кроме франков. Как говорилось выше, речь шла о возможных претензиях такого рода со стороны хазар, венгров и русских. При этом в отношении хазар ранее имелся прецедент — женитьба

²¹ Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. P. 431. 11—19; 748. 5—12; 917. 11—18; Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 100—101.

²² См.: Müller L. Die Taufe Russlands. München, 1987. S. 81—82; Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 211—212; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 301—302.

²³ Из последних работ см.: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 106—109, 118—120.

²⁴ См. о его биографии: Беляев Н. Т. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // Сборник статей по археологии и византиноведению. Т. 3. Прага, 1929; Ловмянский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. Т. 7. Таллин, 1963.

²⁵ Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. P. 431. 11—19; 748. 5—12; 917. 11—18.

²⁶ См.: Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 431; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 267—268.

²⁷ Позже оно появиться в Константинополе не могло, так как не успело бы вернуться обратно до завершения навигации по Днепру; караваны из Руси традиционно приплывали летом (ср. даты приема Ольги, указанные Константином Багрянородным в книге «О церемониях византийского двора» — 9 сентября и 18 октября — Constantini Porphyrogeniti de ceremoniis aulae Byzantiae. Vopnae, 1829. P. 594—598). Даже если допустить, что договор был заключен, как предшествующий договор Олега 911 г. (см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 37), в самом начале сентября и к моменту обручения Романа и Берты посольство уже покинуло Византию, все равно его члены должны были получить информацию о предстоявшей через несколько дней церемонии.

²⁸ В русском посольстве 944 г. были не только язычники, но и христиане (см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 52—53); не исключено поэтому, что кто-то из них мог и лично присутствовать на церемонии обручения.

императора Константина V на дочери хазарского кагана²⁹. Вероятно, что упоминание рядом с хазарами венгров (чьи вожди Дьюла и Булчу в конце 40-х годов X в. крестились в Константинополе³⁰) и русских вызвано тем, что претензии породниться с императорским домом с их стороны уже предьявлялись.

Как раз на время между обручением Романа и Берты и фиксацией византийскими придворными хронистами тезиса о происхождении Руси от франков приходится одна из двух существующих в историографии датировок визита Ольги в Константинополь (описанного Константином Багрянородным в книге «О церемониях византийского двора») — 946 г.³¹ Если она верна, то гипотетический ряд событий выстраивается следующим образом: от членов посольства 944 г. Ольга узнает о брачном союзе императорской семьи с королем Италии и о том, что исключение в матримониальных связях правители Византии допускают только для франков; став год спустя правительницей Руси, она задумывает женить Святослава (он, возможно, был примерным ровесником Романа³²) на одной из дочерей Константина³³ и в 946 г. является к константинопольскому двору с этим предложением, подкрепив его тезисом о «франкском происхождении» русского правящего дома. Если верна другая дата поездки Ольги в Константинополь — 957 г.³⁴, то следует полагать, что данный тезис был заявлен не во время визита самой княгини, а в первые годы ее правления русскими послами (посольства в Империю, судя по договорам Олега и Игоря с Византией, ездили регулярно), пытавшимися прощупать почву относительно возможного династического брака; во время же личного визита Ольги было сделано официальное брачное предложение.

Таким образом, появление в византийских источниках утверждения о происхождении руси от франков вероятнее всего связывать с дипломатией княгини Ольги. У византийских придворных хронистов оно не вызвало возражений. Император Константин VII, однако, не увидел здесь достаточных оснований для допущения брачного союза с русским правящим домом³⁵. Возможно, сказалось разное понимание происхождения «от рода франков» русской и византийской сторонами: первая полагала, что для брака достаточно связи (действительной или мнимой) предков Святослава с франкской территорией, Константин же под «благородными родами» франков явно имел в виду узкий круг знатнейших семейств — Каролингов и связанных с ними родством³⁶.

Сын Ольги не женился на византийской принцессе, но ее внук Владимир в конце 80-х годов X в. взял, как известно, в жены внучку Константина Багрянородного. Братья царевны Анны, императоры Василий и Константин, несомненно, были знакомы с заветами деда³⁷, в том числе и о допущении браков багрянородных принцесс только с франками; в то же время византийскому двору 80-х годах должны были быть хорошо знакомы тексты придворных хроник, содержащие пассаж о франкском происхождении руси (эти хроники получили окончательное оформление в период детства внуков Константина Багрянородного, в 60-е годы X в.). Не исключено, что «франкское» происхождение Владимира могло сыграть для императоров роль в оправдании в собственных глазах и в глазах византийской знати брака их сестры с князем «варваров»³⁸.

²⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 56–57, 60–61, 341–342 (коммент. 28), 344 (коммент. 47). Константин Багрянородный, говоря об этом событии, путает Константина V с его сыном — Львом IV.

³⁰ См.: Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). С. 166.

³¹ См.: Там же. С. 174–190 (здесь же литература вопроса).

³² В летописном рассказе о походе на древлян (датированном 946 г.) Святослав представлен ребенком, который уже может ездить на коне, но еще не способен метнуть копьё (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 58).

³³ Одна из дочерей императора — Феодора — была примерной ровесницей Святослава (см.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 344, коммент. 46).

³⁴ Наиболее подробную аргументацию в ее пользу см.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 219–286.

³⁵ Вряд ли можно полагать, что Константин вообще не поверил тезису о происхождении русской правящей династии с территории франков, поскольку одна из хроник, в которой этот тезис зафиксирован, — Хроника Продолжателя Феофана — создавалась под его контролем и даже при его личном участии.

³⁶ Король Гуго, сват императора, по материнской линии был потомком Карла Великого (см.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 354).

³⁷ Трактат «Об управлении империей» был адресован их отцу Роману.

³⁸ Здесь уместно вспомнить, что в 967 г. было отказано выдать византийскую принцессу (вероятно, старшую сестру Анны) за сына германского императора Оттона I (будущего Оттона II; см. об этом: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 257–260), а ведь это были правители, унаследовавшие владения восточнофранкских Каролингов.